

Від "ПМ": Раніше (у № 1 (92), 2010) "ПМ" уже друкувала статтю відомого педагога, журналіста В. Г. Бейлінсона "Макаренко и Сталин: новый взгляд. записи бесед с очевидцами (1954 – 1974)". Представлений нижче матеріал продовжує серію педантично зібраних Валентином Григоровичем свідчень очевидців про Антона Семеновича Макаренка.

Висвітлено особливості життя А. С. Макаренка після переїзду до Москви (у березні 1937 року), розповідається про віддалення Макаренка від друзів (Петрова М. В. і Лукіна Ю. Б.), про розчарування В. І. Вернадського А. С. Макаренком. Основа публікації – зібрані В. Г. Бейлінсоном часом несподівані спогади сучасників Антона Семеновича.

Освещены особенности жизни А. С. Макаренко после переезда в Москву (в марте 1937 года), рассказывается об отдалении Макаренко от друзей (Петрова Н. В. и Лукина Ю. Б.), о разочаровании В. И. Вернадского А. С. Макаренко. Основа публикации – собранные В. Г. Бейлинсоном временами неожиданные воспоминания современников Антона Семеновича.

The new article of teacher and journalist V. Beilinson tells about the features of Makarenko's life after his moving to Moscow (in march 1937). In the basis of the publication are collected memoirs of Makarenko's contemporaries.

МАКАРЕНКО: ПОСЛЕДНИЕ ДВА ГОДА

В. Г. Бейлинсон

События, о которых пойдёт речь, происходили в 30-е гг. прошлого века – в пору немислимоу ломки общественных, деловых, личных отношений, потерянности одних людей и безудержного карьеризма других. В это время Макаренко достигает степенного возраста, популярности как педагог-новатор и великий мастер воспитания, живет в столице Советского Союза в привилегированном доме. Если составить понедельную хронику действий Макаренко на публичной сцене (февраль 1937 – март 1939), то поражает его активность – странная, лихорадочная, какаю-то нездоровая.

Макаренко хватается за любую возможность показаться публике, заявить о себе. Где только он не выступает, что и о чем не пишет. Поражает "всеядность" этого московского Макаренко – отнюдь не энциклопедическая, просветительская, а напористое желание стать первым авторитетом во всех вопросах духовной жизни советского общества.

Под новый 1939 год на ужине у доктора Гетцельда, друга моего деда, историк русской культуры Викентий Викентьевич Вересаев грустно рассуждает:

"Что происходит с Макаренко? Такой педагог, почему не завершает давно обещанную методику воспитания, а лезет во все дыры, на любую трибуну!.. Всезнайка, не утруждающий себя аргументацией. Он не размышляет и не сомневается, а формулирует директивы. Какаю безапелляционная категоричность! Какою апломб "историка", "обществоведа", "философа"! Какаю непримиримость к коллегам!.. Художник, писатель Макаренко еще только в начале пути. "Педагогическая поэма" была заявкой на большой художественный талант, а Макаренко его разменивает...

Возьмите макаренковские "разборы" художественных произведений. Это же рецензии рьяного партийца, которого интересуют лишь партийные свойства романов, повестей, кинофильмов, спектаклей. Так он оценивает Фурманова, "Путевку в жизнь", "Петра Первого". Макаренко в своих партийных характеристиках силится быть большим католиком, чем папа римский... Какаю жалость – мы теряем многообещающее дарование.

✓ Великих мастеров педагогики человечество знало несколько десятков, но только Макаренко сумел так описать во всей целостности педагогический процесс; только ему, Макаренко, удалось такое наисложнейшее дело представить в виде, доступном каждому, превратить во всеобщее достояние. Это фундаментальный факт общечеловеческой культуры.

А вместо продолжения, наращивания – какие-то наглые выходы рвущегося в столичную знать провинциала".

После долгой паузы Викентий Викентьевич замечает:

"Все настоящие писатели СССР сейчас сидят тихо, сторонятся общественных акций. Даже историки. Блистательный Тарле уклонился от заказной рецензии на роман А. Н. Толстого "Петр Первый", а Макаренко вылез и как – примитивно, убого... То, что Макаренко беспартийный, не основание для демонстраций его архипартийности. Напротив, наступают времена, когда беспартийным легче... Кремль все чаще ориентируется на "бывших". Смотрите, взлет Майского, Тарле, Коровина, деятелей партий, некогда враждебных большевизму. А почтение, которое выказывает Сталин советскому графу (А. Н. Толстому – В. Б.). А потрясающая карьера выходца из дворян К. Симонова, а поддержка С. Михалкова... Чем объяснить такую лю-

бовь Сталина к булгаковским "Дням Турбиных", проникнутым симпатией к русскому дворянству, и презрительное отторжение Сталиным архиреволюционной подхалимской пьесы того же Булгакова "Батум"? Загадки. Но ясно одно: сегодня безупречная большевистская биография уже не плюс, а минус...

Запутался бедняга Макаренко. Не знаю, удастся ли ему в конце концов пробиться в первый ряд идейных руководителей, но то, что он человек конченный – это факт. Ещё одна трагедия нашего талантливейшего современника, ещё одна наша общая потеря, и, видимо, невосполнимая".

* *
*

С 1937 года у Макаренко нет обогащающего и укрепляющего внутренний мир окружения. Всегда трудно созидающий и плохо сберегающий личную дружбу, Макаренко с 1928 года (женитьба на Галине Стахивне Салько и политический крутой поворот в стране) теряет своих немногих настоящих друзей, так помогавших Антону Семеновичу найти свое призвание, творчески утвердиться в нем. Сперва теряет чудесную Григорович, затем железного в своем благородстве Весича и, наконец, "Дон-Кихота" Терского.

Переезд в Москву, совпавший с потерей незаурядного общения в Харькове и Киеве (один Балицкий чего стоил, да и слабохарактерный Затонский обладал аналитическим умом и огромным социальным опытом), лишил Макаренко необходимой ему среды обитания. Даже бывшие товарищи-коллеги теперь для Макаренко фактически недоступны. Давно открытый закон: богатство человека – это богатство его общения, действует на Макаренко в Москве чуть ли не абсолютно. Его стремление пробиться в первый ряд советских *идеологов* только усиливает одиночество; никого нет рядом, кто может остановить Макаренко в его самоубийственном тщеславии, вернуть великого педагога к собственному предназначению, вдохновить на решение сверхзадач, *достойных гения*.

* *
*

Впрочем, в Москве Макаренко ждут два испытанных друга, две ярчайшие личности, нужные задыхающемуся Антону Семеновичу, как горный воздух.

Это *Николай Васильевич Петров*, ровесник Макаренко, выдающийся деятель советского театрального искусства, Народный артист, художественный руководитель одного из лучших театров СССР и

Европы Александринского в Ленинграде, в 1933 году по поручению Правительства организовавший в Харькове (тогда столице Украины) театр русской драмы. Этот театр очень продуктивно шефствовал над коммуной Макаренко. В 1936 году Петров, передав руководство театром замечательному актеру А. Г. Крамову, переехал в Москву, где продолжал режиссерскую и искусствоведческую деятельность.

Это *Юрий Борисович Лукин*, которому было всего 24 года, когда он стал сподвижником Антона Семеновича. Наконец-то Макаренко повезло: он обрел в Лукине настоящего редактора, умеющего распознавать в своем авторе все сильное и устранять его слабости; редактора, влюбляющегося в талантливого автора, последовательно добывающегося его полного самовыражения и не позволяющего себе и намека на редакторско-начальственную манеру обламывать автора, а тем более, выкачивать из него блага и услуги. К 1937 году Лукин благодаря весьма успешному сотрудничеству с Михаилом Шолоховым, мировой славе "Тихого Дона", стал авторитетной фигурой в писательском и журналистском мире Москвы.

В Москве, к лету 1937 года, Макаренко восстанавливает общение с Петровым и Лукиным. Но проходит чуть более года и... обрыв дружеской связи. Вражды нет, а отдаление, разъединение очевидное.

Что произошло за этот год?

С Хохряковым Виктором Ивановичем я познакомился в 47-м, в компании актеров. Знакомство тогда к педагогике и Макаренко никакого отношения не имеющее, да я и не знал совсем биографию Хохрякова¹. То было веселое застолье, и только.

Лишь в 1961-66 годах, готовя сборник воспоминаний о Макаренко, рассказов о колонии им. Горького и коммуне им. Дзержинского, я уже специально встречался с В. И. Хохряковым. Среди многого, прежде всего о содержании и формах художественно-творческой работы в коммуне, я узнал и о таком случае.

Произошел он осенью 37-го, в антракте спектакля Театра Революции (ныне им. Вл. Маяковского). В многолюдье фойе Хохряков разглядел курящего Макаренко вместе с Вс. Вишневским и каким-то сумрачным мужиком (им оказался В. Ермилов, гроза писателей и режиссеров, могущественный партийный сановник). Хохряков, не веря глазам своим, кинулся продираться к родному Антону Семеновичу. Когда Виктор приблизился,

¹ Хохряков В. И. (1913 – 1986), ученик Н. В. Петрова, самый молодой ведущий актер Харьковского театра русской драмы. Вместе с юной Л. А. Скопиной, впоследствии Народной артисткой и женой Петрова, вел с 1933 г. постоянную шефскую работу – театр коммуны им. Ф. Дзержинского. Спустя 15 лет Хохряков – популярный актер советского кино, лауреат Государственных премий, а с 1973 г. Народный артист СССР.

Макаренко держал речь. Почувствовав на плече руку Хохрякова, недовольно обернулся и продолжал говорить. Хохряков, переминаясь с ноги на ногу, не напоминал о себе. Наконец Макаренко умолк и вполоборота выдал Хохрякову руку и, как-то буднично-равнодушно представив Хохрякова, продолжил, видимо что-то вспомнив, монолог. А потерянный Хохряков все ждал, когда Макаренко вспомнит о нем.

Важные персоны обсуждали проект театральной "Ленинианы". И тут Вс. Вишневский среди режиссеров, которым можно доверить такое дело, назвал Н. Петрова, любимого учителя Хохрякова. Ермилов хмуро жевал губами, а Макаренко, всем видом показывая, что ослышался, переспросил: "Кто, Петров?" и после многозначительной паузы изрек: "Да старомоден он, этот ваш Петров".

Хохрякова словно кипятком ошпарили. А Макаренко, заметив, что Хохряков убегает, не удерживал его, лишь вдогонку бросил: "Ну бывайте, Виктор. Наверно, еще увидимся".

С той встречи в театральном фойе Виктор Иванович Антона Макаренко не видел.

А вот Н. В. Петрову, после долгих раздумий, все рассказал. Ибо до него уже дошли слухи о таком отзыве лучшего друга. Макаренко же так и не попытался оправдаться, загладить свою вину. А Николай Петров всю оставшуюся жизнь тяжко переживал случившееся.

Когда Николая Васильевича настигла весть о неожиданной смерти Макаренко, он потерял покой и сон. Петров винил себя за недостаточное внимание к чужому в московском обществе Макаренко, за то, что не сберег такой талант.

Н. В. Петров пережил Макаренко на 25 лет. Николай Васильевич много тяжелого и обидного испытал за эти четверть века, но и многое успел. Он создал фундаментальный труд по истории театральной жизни "50 и 500"; написал замечательные по своей честности воспоминания о великих современниках, основателях и творцах МХАТа, лучшего в мире театра первой трети XX века, и о Макаренко. Никогда и ни с кем Петров не обсуждал поведение Макаренко осенью 37-го. Петров только силился понять, что происходило с Антоном Семеновичем по переезде в Москву.

* *
*

И. Л. Андроников² знал о моём увлечении Макаренко. Однажды, кажется, это было в 1955 году, Ираклий Луарсабо-

вич застал в 43-й школе Ю. Б. Лукина. "Вы знакомы?" – поинтересовался Андроников. Лукин и я, довольные, улыбаясь, подтвердили догадку писателя. Спустя недели три Ираклий Луарсабович, размышляя о том, что 43-й школе в ее начинаниях нужна административная и общественная поддержка, вернулся к теме "Лукин". Он доказывал, даже немного волнуясь, что дружба с Лукиным для меня ценнейшее приобретение. Что Юрий Борисович – это человек золотого века культуры, редкостной скромности и высочайшего благородства.

Прошли два года. Андроников почти всегда при встрече интересовался, поддерживаю ли я знакомство с Лукиным. Я, охотно отвечая, рассказывал, что отношения с Лукиным становятся истинно дружескими, что месяца не могу прожить без Юрия Борисовича...

Слушая мои восторги, Андроников вдруг задумался, что-то хотел высказать, но не решался. Наконец, приобняв за плечи, умерив свой замечательный голос, почти шепотом выдавил: "Должен Вам рассказать неприятную, очень неприятную для Вас историю".

Мы вышли за стены школы и отправились переулками к набережной Москвы-реки. Вот рассказ Андроникова:

"Макаренко более чем обязан Лукину. Это Юрий Лукин вывел в люди первую книгу Макаренко. Вопреки начальству и старшим коллегам по издательству, совсем юный Лукин, принимая по убеждению просьбу Горького, за какие-то полгода отлично подготовил, пробил и выпустил "Марш тридцатого года". Это Лукин отправил Горькому в Италию сигнальный экземпляр "Марша", чем обеспечил незамедлительный восторженный отзыв Горького. Это Юрий Борисович, жертвуя своими карьерными и материальными интересами, побуждал Макаренко работать над продолжением "Марша", создавать целостную эпопею опыта коммуны. Это Лукин, преодолевая Московскую суетность Макаренко, доводит его последнее педагогико-художественное произведение до запуска в производство. Юрий Лукин, уже шесть лет являющийся редактором Шолохова и его личным другом, привлекает внимание Михаила Александровича к Макаренко. И мало кем из деятелей культуры интересующийся, прославленный к 1937 году классик именно от него узнает, что Макаренко грозит арест "за связь с врагами народа...", заступает в Кремле у Сталина за Макаренко.

Если всё это разобрать серьезно, то Лукин спас Макаренко в пору повальных арестов. А что Макаренко, знал ли он о роли Лукина? Знал, ибо о поступке Шолохова, которо-

² Андроников И. Л. (1908 – 1990), исследователь Лермонтова, блистательный и любимый народом мастер устного рассказа, просветитель. Дочь Андроникова окончила 43-ю школу в 1954 г., а он и его жена продолжали жить интересами этой школы.

го поддержал Фадеев, Антон Семёнович узнал едва ли не сразу от Всеволода Вишневского. Макаренко не стоило труда догадаться, кому он обязан симпатией Шолохова. Значение благодарения Лукина Антон Семёнович мог оценить в то ужасное время вполне адекватно. Однако, как только "Флаги на башнях" были подготовлены к отдельному изданию, Макаренко, ссылаясь на невыносимую занятость, отдаляется от Лукина.

В конце 38-го на правительственной даче присутствует приглашенный по давнему знакомству Щербаковым³ Антон Макаренко. Здесь собрались партийные работники и руководители Союза писателей, чтобы сформировать "творческие бригады" для пропаганды Сталинских достижений, прежде всего в градостроительстве Москвы. Кто-то предложил включить в список Ю. Лукина. И тут Макаренко встрепенулся: "Не пойдет. Аполитичный". Фадеев удивленно повернулся к Макаренко, а Щербаков кивнул – мол, Макаренко лучше знает. Хотя с этого случая (а может, то была последняя капля?) Фадеев настороженно относится к Макаренко, популяризацию его педагогического опыта всегда поддерживает".

Рассказ Андроникова какие-то имевшиеся у меня кусочки выстраивал в картину, и то, что знал от доктора Гетцельда. В конце 1938 года Фадеев предупредил Вересаева:

"Поосторожнее с Макаренко. Ваши разговоры о Пушкине и Николае Первом до добра не доведут".

Лукин знал, какой опасный ярлык навесил на него Макаренко. Но отношения к другу не переменял. Свое поклонение чудо-педагогу он несет всю жизнь. Лукин неизменно делает, что может, для всенародного осмысления макаренковского опыта.

Лукин отыскивает, собирает учеников и соратников Макаренко, отдает год труда на подготовку и выпуск книги Н. Фере, всячески содействует изданию собрания сочинений Макаренко... К началу 60-х годов, прежде всего благодаря Лукину, в СССР формируется движение последователей и исследователей Макаренко. А прекрасная телевизионная программа, которую ведет Ю.Лукин! Последние годы жизни⁴ он посвящает подготовке большой книги о наиболее продуктивных последователях Макаренко, организаторах превосходных коллективов: школьных, производственных, научных, художественных, спортивных.

Сорок лет неразрывно связывали меня с Юрием Борисовичем Лукиным, этим

солнечным человеком. Мы могли говорить друг с другом на любую тему совершенно откровенно. Но я никогда не спрашивал Лукина, как он отнесся к тому, у Щербакова, заявлению Макаренко. Всем своим поведением Лукин доказывал: случившееся тогда Макаренко не порочит; виноваты обстоятельства, время.

Однако произошел случай, который выбил Лукина из колеи.

В 1985 году Юрий Борисович пригласил меня в очередной раз участвовать в телевизионной передаче, которая велась из Литературного музея. Тема: "Соратники Макаренко". Все шло отлично. Заполненный до отказа маленький зал живо и заинтересованно реагировал на каждое слово, подавал реплики. Были, конечно, и записки ведущему Лукину... Вечер закончился, довольная публика благодарила устроителей. Лукин и я вышли на Петровку и пошли пешком (погода-то прекрасная) к Пушкинской площади. Я в превосходном настроении делился впечатлениями, а Юрий Борисович какой-то поникший. "Наверно, устал Лукин. Такой вечер больших сил требует, и годы", – подумалось мне.

На Страстном бульваре Лукин остановился: "Присядем, покурим". Уселись на скамейку под фонарем. Лукин достал из бокового кармана листок и, всегда такой обходительный, сердито буркнул: "Прочтите". То была записка из зала, адресованная "Знатному журналисту СССР Лукину".

Привожу полный текст записки:

☞ "Сколько можно врать?! Что вы из Макаренко бога строите! Ваш Макаренко есть пройдоха и сталинский холуй. Прячете правду, а он и вас предал. Хохол он и есть хохол. Мы все помним!"
И подпись: "ПАМЯТЬ".

Кроме меня о сей записке никто из близких Юрия Борисовича не узнал. Вместе с тем, встречаясь со мною, Лукин возвращался к событию в Литературном музее. Для Лукина это был удар в самое больное место.

В последнюю нашу встречу наедине, как бы подводя итог переживаниям, Юрий Борисович пояснял:

✓ "Самые искушенные и закаленные государственные мужи, самые стойкие большевики тогда голову потеряли. А Макаренко, он же школьный учитель, он же всю жизнь только с детьми. Он же другого мира не знает!

³ Щербаков А. С. (1901- 45), родственник А. Жданова, кадровый партапаратчик, осуществлял до 1936 г. управление Союзом писателей СССР; с января 1938 г. первый секретарь Московского городского и областного комитетов ВКП(б). С 1939 г. Сталин явно расположен к Щербакову.

⁴ Ю. Б. Лукин умер в 1996 г.

Что в этих страшных политических играх Макаренко понимал? Да еще в столичных, многослойных, с такими хитросплетениями, что ни один Дюма не придумает. Полнейший простака на кухне дьявола, чертей и чертенят. И недооцененный специалист-гений. И неустроенный, вечно нуждающийся в заработке. И быстро стареющий, и больной, не своим делом в Москве занимающийся.

Этот звонкий чудесный соловей залетел в глухую темную клетку пожирающих всех, прежде всего друг друга, гадов. Петь соловью не дадут, и покорить гадюшник он не может. Пропадал Макаренко в Москве. Когда мы познакомились, он был другой; его переполняло ощущение собственной силы...

Только тот, кто пережил 37-39-е годы, может понять и простить человеческие слабости мастеров культуры, ощутивших вдруг, что почва уходит у них из под ног. А житейски-то они люди слабые, неопытные и легко ранимые. Ну, обидели какого-то Лукина, что это меняет. Наша память – деяния, творения Макаренко.

Вот мой ответ. А вы как думаете?"

Принимая и понимая Лукина, я лишь добавил: мир детства, который столь вдохновенно и красиво строил Макаренко, был замкнутым; Антон Семенович не обрел в нем опыта сложнейших отношений с семьями учеников, средой их внешкольного существования, двором, улицей.

Ответ Лукина объяснял многое. Общее, но не частное. Оставался у меня невысказанный вопрос: почему Макаренко так обошелся с Петровым и Лукиным? Ведь они тогда в ущерб своим интересам, планам, заботам продолжали помогать Макаренко. Ведь о таких друзьях и мечтать никто не смел, тем более в такое время и в чужом мире. Наедине с самим собой, в дневнике Макаренко записывает (27 апреля 1936 г.), какую ценность для него имеет общение с Петровым, единомышленником. Накануне переезда в Москву Макаренко большим письмом напоминает Петрову, что Николай Васильевич его лучший друг, а он, Макаренко, является поклонником Петрова.

Таких оценок Макаренко удостоил в своей жизни лишь пятерых. А объявлять себя поклонником деяний и устремлений кого-либо – для Макаренко вовсе диковина. Разве только Максим Горький получал от Макаренко признания в восторженном почитании, да еще Всеволод Балицкий, которого Макаренко боготворил, когда заведовал колонией и коммуной.

И Лукина Макаренко ценил безмерно. В Москве он повседневно ощущает значение работы Лукина с "Флагами на башнях".

Я много лет искал ответы на этот частный вопрос. Обсуждал с Фере, Терским, Григорович, Калабалиным, Скопиной, Шведом и многократно обстоятельно с В. Е. Гмурманом. Только в 1988 году

Виктор Ефимович и я составили какое-то заключение.

Макаренко в Москве, с лета 37-го, не без колебаний, становится на путь разрыва с миром прежнего общения. Это заметно уже по тому, кого принимают Антон Семенович и Галина Стахивна у себя в доме в Лаврушинском переулке. И Терский, и Фере, и Калабалин, и Поповиченко, и даже Татаринины, не сговариваясь, отмечают, что Галина Стахивна жестко дала понять: их визиты, как и всех других коллег, учеников, – нежелательны.

Гмурман дополняет: в 1957 году Галина Стахивна, в который раз подчеркивая, что *это она* спасла Макаренко в лихое время, сообщила, что когда Антон Семенович в марте 39-го отправлялся в Харьков, она строго-настрого запретила мужу какие-либо встречи по старой дружбе. Однако, как известно из воспоминаний его сотрудников и воспитанников, А. Макаренко с ними встретился...

Вообще же Макаренко "московского образца" рвет связи с прошлым, даже не желает вспоминать все, что сделал для него Горький. Отныне Макаренко навязчиво демонстрирует новым властителям свою принадлежность к их кругу, к другой эпохе.

Р. С. В один из дней июня 1938 года В. И. Вернадский попросил свою ученицу Л. Г. Богдасарову устроить встречу с Макаренко. По многим причинам, зависящим от самой Любви Георгиевны, встреча назначена только на август в ее квартире. Но тут позвонил Вернадский. Извинившись за доставленные хлопоты, он заявил, что нужно немедленно дать "отбой": знакомиться с Макаренко у Вернадского желание пропало.

Почему? Ответ на этот вопрос В. И. Вернадский высказал следующими словами:

"Горечь, боль вызывают газетные и журнальные публикации Макаренко, его выступления на разных собраниях.

Какой нигилизм в отношении к прошлому, даже собственной педагогической молодости! Какая манера оценивать другие направления! Он подает их в стиле карикатуры; разносит, не называя имен или работ, не цитирует и не раскрывает их действительной сути; он намеренно искажает...

А чего стоят заявления Макаренко о вредительстве в педагогике. Это он, конечно, педологию имеет в виду. Но в педологии же есть золотое зерно: соотношение биологического, природного и воспитания. Вопрос коренной для педагогики, извечный и все еще не решаемый. Как хотелось поразмышлять об этом вместе с Мастером, но увы, не судьба".

Статья надійшла в редакцію 23.09.2010 ■